

Владимиру Саурсеевичу Ему,
основателю серии
«Классика российской цивилистики»,
посвящается

От издательства

Цель настоящей серии видится ее инициаторам в том, чтобы познакомить возможно более широкий круг читателей – правоведов, юристов-практиков, историков, а также всех тех, кто живо интересуется правовой проблематикой и историей права, с замечательными, однако давно, иногда более столетия, не переиздававшимися произведениями российской цивилистики и тем спасти их от незаслуженного забвения.

Выпуску книг предшествует серьезная научно-организационная и редакционная подготовка, проводимая на базе издательства «Статут». Редколлегия серии руководствуется при отборе книг для публикации прежде всего критериями научной ценности и актуальности, видит главную задачу в сохранении идентичности текстов оригинала и современного издания, стилистических особенностей языка времени создания произведения. Все книги серии снабжены научными предисловиями, многие – приложениями и материалами справочного характера, в том числе отзывами и рецензиями современников автора.

С 2024 года генеральным партнером серии стала юридическая фирма «Кучер, Кулешов, Максименко и партнеры» (ККМП). Благодаря этому сотрудничеству издательство имеет возможность не только пополнять серию новыми книгами, но и по мере необходимости переиздавать, а значит, возвращать в научный оборот те из них, которые оказались наиболее востребованы современными читателями. Результатом этой работы станет восстановление в актуальном издательском портфеле «Статута» более 60 книг серии «Классика российской цивилистики», начало которой было положено в 1997 году.

КЛАССИКА
РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИСТИКИ

Н.О. Пересов

Представительство
и ценные бумаги
в гражданском праве

Избранные труды

4-е издание, исправленное

Москва – 2025

УДК 347
ББК 67.404
Н54

Серия основана в 1997 г.

Председатель редакционной коллегии серии
д-р юрид. наук, проф. **Е.А. Суханов**

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. **В.В. Витрянский**
д-р юрид. наук, проф. **П.В. Крашенинников**
канд. юрид. наук., доц. **А.Н. Кучер**
А.Г. Долгов
канд. юрид. наук, доц. **А.В. Ем**

Научный редактор тома
канд. юрид. наук., доц. **В.С. Ем**

Нерсесов, Нерсес Осипович.

Н54 Представительство и ценные бумаги в гражданском праве :
избранные труды / Н. О. Нерсесов. — 4-е изд., испр. — Москва :
Статут, 2025. — 316 с. (Классика российской цивилистики.)

ISBN 978-5-8354-2108-4 (в пер.)

В работах, публикуемых в данной книге, исследованы вопросы социологии и правовой природы представительства, теоретические и практические аспекты общего учения о ценных бумагах, выявлены юридические особенности ценных бумаг на предъявителя. Научная глубина положений и выводов, содержащихся в предлагаемых читателю трудах, позволяет отнести их к классическому наследию российской цивилистики. Учения о добровольном представительстве и ценных бумагах на предъявителя, разработанные Н.О. Нерсесовым, и в наши дни актуальны для законотворческой и правоприменительной практики. Его произведения, бесспорно, станут бесценным пособием для изучающих проблемы гражданского права.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2108-4

© В.А. Белов, предисл., вступ. ст., библиогр., 2000
© Редподготовка, оформление, переиздание.
Издательство «Статут», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

1.

Имя автора монографий, составивших настоящую книгу, экстраординарного профессора кафедр гражданского права и торгового права и судопроизводства Императорского Московского Университета Нерсеса Осиповича (по некоторым источникам – Иосифовича) Нерсесова сегодня почти никому неизвестно, а переиздаваемые здесь его исследования знакомы даже не всякому библиографу. Да и специалисты-современники отзывались об этих работах как-то скупое и невнятное. Самого же Н. О. Нерсесова с точки зрения его профессиональных качеств даже энциклопедии характеризуют как не выдававшегося «ни силой, ни глубиной юридико-философской мысли, ни большой эрудицией» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XX-а. СПб., 1897, ст. 909). Похожие отзывы о профессоре Н. О. Нерсесове содержатся и в двух других российских энциклопедиях (Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. Пг., б.г., ст. 358; Энциклопедический словарь братьев Гранат. Изд. 7-е. Т. 30. М., б.г., ст. 149–150). Все последующие российские источники вообще обходят молчанием это имя.

Но в каждой из энциклопедий, включающих статьи о профессоре Нерсесове есть и такое указание, которое само по себе заставляет усомниться в справедливости подобного равнодушия и забвения. «Его основным научным направлением было стремление привести юриспруденцию от догматической отвлеченной немецкой школы на положительную практическую основу», – как бы между прочим замечает словарь братьев Гранат. Но неужели этого мало? Неужели само по себе это не есть заслуга? Российская правоприменительная практика и полтора столетия назад отличалась, и сейчас отличается оторванностью от науки, причем, надо заметить, по причине, лежащей не в самой практике, а именно в науке. Практика всегда ждет от науки принципов, которые, с одной стороны, могли бы быть поняты судьями, адвокатами, чиновниками, обывателями, а с другой – позволили бы правильно и эффективно разрешать конкретные вопросы. Но далеко не все представители русской юридической науки помнили об этом раньше и мало кто помнит в настоящее время.

Работы Н. О. Нерсесова – это как раз то, чего жаждала практика, причем не только правоприменительная, но и учебная. Изложение догмы римского права, норм современного автору законодательства – это в трудах Нерсесова не более, чем материал для дальнейшей обработки с помощью приемов логики и юридической техники. Перефразируя строчки известного пролетарского поэта, можно сказать, что наука юриспруденции – «та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Догма и закон для Нерсесова – та самая «руда», из которой он извлекал «радий» – принципы практического применения права.

Современники профессора могли допустить такую обработку собственных взглядов и взглядов своих коллег. Не вызывала она возражений и при применении ее к нормам «свода законодательных обломков различных эпох и царствований» – российских законов. Но почти ни у кого из российских цивилистов «не поднималась рука» на авторитет права Германии, к каковому Россия всегда тяготела, и уж тем более – на авторитет римского права. **Профессор Нерсесов был первым из российских юристов, обративших внимание на бессмысленность поиска корней ряда важнейших современных правовых институтов в римском частном праве.** Освободиться от «обаяния совершенства римского права» непросто, но это необходимо, ибо такое влияние со временем порождает «рабское поклонение римскому праву». Именно Нерсесов в 1878 г. предложил новый путь для изучения таких институтов – **сравнительное правоведение**, которое обрело статус юридической науки, увы, только через три десятка лет. Учитывая то, что точка зрения большинства его современников по данному вопросу была прямо противоположной, не должны вызывать удивления отзывы о Нерсесове как о человеке, научная мысль которого и неглубока, и несильна, и «не отличается эрудицией».

В настоящую книгу включены две монографии профессора Н. О. Нерсесова – «Понятие добровольного представительства в гражданском праве» (М., 1878) и «О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права» (М., 1889). Кроме них Н. О. Нерсесов написал еще ряд статей и рецензий в журналах «Юридический вестник» и «Критические обзоры». При, казалось бы, существенном различии тем обе работы в действительности объединены одним общим признаком: **они – о новых, «послеримских» правовых институтах, институтах, корни которых искать в римском праве бесполезно.** Материалом для их изучения являются исторические сведения о возникновении и станов-

лении данных институтов, их правовой регламентации и современные автору законодательства трех государств – Франции, Германии и России. Споры нет, все русские ученые юристы обращались в своих работах к положительным иностранным законодательствам, но никто не делал на их изучении (компротивистике) основного акцента. Всеобъемлющей и довлеющей оказывалась догма римского права, что приносило прекрасные результаты при исследовании традиционных институтов и не приносило никаких или даже приводило к заблуждениям при попытках изучения конструкций, не ставших в свое время элементами системы римского частного права.

2.

Н. О. Нерсесов родился в 1848 г. в Москве в небогатой армянской семье. В 1866 г. он поступил, а в 1871 г. блестяще закончил юридический факультет Императорского Московского университета и был оставлен при кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию. Первоначальной сферой его профессиональных интересов было гражданское и римское право. Именно по этим дисциплинам он получил стажировку во Франции, а затем в Германии. К сожалению, нам не удалось установить, кто был его научным руководителем на кафедре и кто опекал во время стажировок, но, кто бы они ни были, это были прекрасные юристы, давшие молодому коллеге глубокие знания догмы права римского и основ современного права гражданского. Вернувшись в Москву в 1874 г. Н. О. Нерсесов начинает читать лекции по отдельным вопросам римского права, сначала – подменяя отсутствовавших по разным причинам старших коллег. Два года спустя, в 1876 г., он основывает на юридическом факультете Московского университета кафедру торгового права и, став ее заведующим, **впервые в МГУ начинает читать лекции по торговому праву.**

Блестящая подготовленность молодого преподавателя к лекциям объяснялась, в частности, параллельным ведением научной работы над собственной магистерской диссертацией, предполагавшей изучение и обработку массы различных источников. Нелишне отметить, что успешная преподавательская деятельность Н. О. Нерсесова и подготовка им научной работы проходили на фоне недавно заключенного брака и последовавших за этим семейных забот (в 1877 г. у него родился сын Александр, который впоследствии станет приват-доцентом Московского университета на кафедре международного права).

3.

Магистерская диссертация Н. О. Нерсесова «Понятие добровольного представительства в гражданском праве» стала основой для формирования весьма специфического отношения современников к ее автору. Даже сама структура работы была и остается нестандартной. В то время как большинство юридических исследований начиналось (и до сих пор начинается) либо с констатации определения исследуемого понятия, либо с изучения его истории и эволюции, диссертацию Нерсесова открывала глава о сравнении (!) исследуемого института добровольного представительства со смежными институтами. Возможно такой подход порочен с точки зрения логики – нельзя сравнивать нечто, о чем не дано даже определения. Но, с другой стороны, вряд ли правильно преподнести определение как константу, неизвестно откуда взявшуюся данность, неизвестно почему снабженную такими-то признаками, а не иными. Выяснение самого понятия представительства и составляет цель магистерской диссертации Нерсесова, каковой нельзя достигнуть, не зная места представительства в системе юридических институтов. Именно определению этого места и посвящена первая глава работы.

Выводы, сделанные автором в данной главе, имеют не только научно-историческое, но и практическое значение и применение. Так, точное разграничение представителя и посланного (нунция) влияет на решение вопросов о возможности или невозможности 1) выступления в соответствующих качествах недееспособных, ограниченно и частично дееспособных лиц; 2) оспаривания доверителем сделок, заключенных от его имени, по мотивам недостатков предмета; 3) отнесения убытков, происходящих из ничтожности сделки, заключенной представителем и посланным, на доверителя. Выдвинутые Нерсесовым положения о разграничении понятий представитель и посланный и сегодня вполне могут служить также основой для учения о разграничении обязательство в пользу и с участием третьих лиц и обязательство с переадресованием и поручением исполнения, а также лечь в основу разграничения понятий представитель и посредник.

Рассматривая вопрос о критериях разграничения представительства и поручения, Нерсесов приходит к несколько странному выводу, сегодня, пожалуй, даже неверному. Во многом это объясняется не «ограниченностью» ученого, а тем, что в то время понятие договора поручения не было еще точно установленным. Но, разграничивая по ходу

изложения договоры поручения и личного найма (подряда), Н. О. Нерсесов целиком «окупает» собственную оплошность. Именно он **впервые в русской литературе** высказывает мысль о том, что критерием разграничения двух договоров должен быть их предмет: в договоре поручения это юридические действия, в договоре личного найма – фактические. Как известно, данный критерий остается действующим и поныне и даже отразился в последнем российском законодательстве.

Еще одним достижением Нерсесова стало разрушение им наиболее распространенной тогда т. н. «теории одобрения договоров в пользу третьих лиц». Суть ее состояла в том, что договор в пользу третьего лица квалифицировался как соглашение двух лиц, действительность которого обуславливалась его одобрением третьим лицом, не участвующим в договоре. Нерсесов не просто аргументированно разрушает эту теорию, но и ориентирует российскую цивилистическую науку на новейшее течение германской цивилистики в данном вопросе. Заслуживает внимания и проведенное им разграничение договоров в пользу третьих лиц и института представительства.

Глава вторая исследования посвящена установлению самого понятия представительства. Определение этого понятия, сформулированное ученым, к сожалению, вряд ли может считаться точным (хотя именно это определение принято на вооружение современным российским ГК). Собственно, автор и не ставил задачу обеспечения точности **определения**, поскольку его задача была гораздо глубже – раскрыть **содержание понятия** «представительство». И ученый справляется с этой задачей как нельзя более успешно, прибегая к разграничению двух особенных правовых категорий – **контрагент по договору и участник правового отношения**. Выведенная им формула: «форма договора определяется личностью контрагента, а содержание порожденного договором правоотношения (права и обязанности по договору) – личностью субъекта правоотношения» заслуживает закрепления в качестве **общего принципа договорного права**. «Представитель может приобрести для своего принципала такие права, к приобретению которых лично для себя он неспособен, и при его посредстве могут возникнуть для принципала такие обязательства, по которым он лично не может быть ответственным» – основной вывод из этого принципа, сделанный применительно к институту представительства.

Глава третья работы фактически посвящена выяснению истоков института представительства. С особой тщательностью ученый разбирает данный вопрос применительно к праву Древнего Рима и приходит к

выводу о том, что представительство в Риме просто не могло существовать из-за достаточно узкой сферы его необходимости, потребности в которой вполне удовлетворялись несколькими своеобразными суррогатами представительства. Проанализировав современные ему законодательства России, Германии и Франции, Нерсесов приходит к выводу о большей эффективности и грамотности именно российского законодательства, не столь слепо следовавшего канонам римского права в нормировании представительства. «Для законодательной регламентации и вообще для правильной юридической конструкции института прямого представительства не следует обращаться к римскому праву, с которым этот институт не имеет исторических корней. Для достижения указанной цели необходимо обратиться к изучению самой природы представительства, которая может быть выяснена из судебной практики и сравнительного исследования этого института у современных народов. Последний путь, т. е. сравнительное изучение, способен дать правильные и точные результаты, в особенности потому, что институт представительства, в противоположность многим институтам гражданского права, отличается по преимуществу космополитическим характером, объясняемым однородностью потребностей, вызвавших этот институт в современном гражданском обороте». Вот главный практический вывод, сделанный ученым в магистерской диссертации.

4.

После защиты магистерской диссертации Н. О. Нерсесов посвящает себя педагогической деятельности. В 1878/79 учебном году он впервые читает самостоятельный курс римского права, а в 1879/80 г. – самостоятельный курс права гражданского. Параллельно продолжается чтение лекций и ведение практических занятий по торговому и вексельному праву, а позднее – также и по торговому судопроизводству. Немного найдется преподавателей, курсы лекций которых неоднократно издавались в литографированном виде на средства студенческих касс взаимопомощи. Н. О. Нерсесов относился именно к такому преподавательскому меньшинству. «Нерсесов привлекал к себе слушателей ясным практическим пониманием юридических явлений – качеством, отличающим и упомянутые труды его», – написал автор заметки в словаре Брокгауза и Ефрона.

Уже по одному тому обстоятельству, что только в библиотеке Института государства и права Российской Академии наук нам удалось ра-

зыскать одиннадцать (!) рукописных и литографированных изданий лекций Нерсесова, можно судить, что в действительности таковых было гораздо больше. Подтверждением этому предположению является наличие в других библиотеках Москвы (Российской государственной им. В. И. Ленина и научной библиотеке МГУ им. А. М. Горького) изданий, отсутствующих в каталоге ИГП РАН. Отличительным качеством таких «самостийных» студенческих изданий является отсутствие полных выходных данных, в частности – почти всегда отсутствуют сведения о месте и годе издания. Но зато всегда присутствует указание, которого не помещают в «официальных» изданиях, – о том, в каком году читались те или иные лекции. Так, нам известны литографированные издания курса лекций по гражданскому и вексельному праву, читанные в 1881/82 учебном году, по гражданскому праву, читанные в 1883/84 г., по торговому праву, римскому наследственному праву – 1885/86 г., по общей части пандект римского гражданского права, римскому обязательственному и семейственному праву – 1886/87 г. В девяностых годах количество такого рода изданий лекций Нерсесова пополняется изданиями лекций по общей части римского права и римскому вещному праву (см. Список основных трудов профессора Нерсесова). Из цивилистов аналогичным количеством студенческих изданий лекций могли похвастаться, пожалуй, только Д. И. Мейер, Ю. С. Гамбаров, да Е. А. Нефедьев (последний, кстати – ученик Н. О. Нерсесова).

5.

Опять-таки на фоне успешной преподавательской деятельности Нерсесов совершенно «незаметно» подготовил свою вторую монографию – «О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права», защищенную им как докторскую диссертацию в 1889 г. Нам известно, что видный цивилист того времени Н. И. Ржондковский опубликовал рецензию на это сочинение Нерсесова (см. Юридический вестник. 1892. Кн. 5–6. С. 100–124), с которой нам, однако, познакомиться так и не удалось из-за ограниченности наших библиотек как в фондах, так и в полезных площадях для их размещения.

По нашему мнению, Н. О. Нерсесова можно смело и с полным основанием назвать **создателем российской теории ценных бумаг**. Опираясь в основном на те же источники, которыми впоследствии воспользуется М. М. Агарков для создания своего бессмертного «Учения о ценных бумагах», Н. О. Нерсесов тем не менее создает свою тео-

рию, концепцию института ценных бумаг, принципиально отличающуюся от концепции М. М. Агаркова, которую нужно именовать скорее германо-французской, нежели российской теорией.

Написанию докторской диссертации предшествовали подготовки к многочисленным лекциям по гражданскому и торговому праву, а также написание двух статей, раскрывающих основные положения предстоящей работы. Изучение бумаг на предъявителя Н. О. Нерсесов начал с материалов Франции – родины этого правового института в его современном виде, что можно установить из факта публикации Нерсесовым статьи «О бумагах на предъявителя по французскому праву» (Юридический вестник. 1881. Т. 7. С. 3–27). Следующая его статья («К учению о бумагах на предъявителя» // Русские ведомости. 1885. № 344) посвящена проблеме изучения бумаг на предъявителя вообще безотносительно к материалам конкретного государства. Наконец в 1889 г. им защищается диссертация о бумагах на предъявителя, а фактически – о ценных бумагах вообще.

К разработке в тот момент совершенно девственной темы – изучению бумаг на предъявителя – ученого подтолкнуло, как нам кажется, то обстоятельство, что данный институт имеет общий исторический корень с предметом его первой работы – институтом представительства. Отсутствие прямого представительства в римском праве привело к отсутствию этого института и в средневековой Европе. Более того, местные законы даже прямо запрещали всякое представительство – как материальное, так и процессуальное. Но если в представительстве по материально-правовым отношениям не было необходимости еще достаточно долго, то негативные последствия запрета процессуального представительства сказывались уже в XI – XII вв. Нерсесов **первым в русской литературе** убедительно доказал, что причиной возникновения документов на предъявителя было именно желание обойти запрещение процессуального представительства. Логика средневековых юристов была простой: если кредитором по документу будет назван предъявитель, то и истцом по таковому станет также всякий предъявитель. Только потом, уже в XVII–XVIII столетиях, с развитием потребностей торгово-промышленного оборота обнаружилось, что удовлетворить эти потребности наиболее эффективно могут документы на предъявителя. Только с этого времени и следовало бы, по мнению Нерсесова, вести историю института ценных бумаг на предъявителя.

По ходу исследования его автором было сделано еще много интереснейших выводов, замечаний и предложений, а одиннадцать глав-

ных тщательно выведены в конце работы. Но, как нам представляется, данная работа профессора Н. О. Нерсесова – нечто большее, чем простое «историко-догматическое исследование» цивилистического института. По ходу этого исследования ученому пришлось вывести ряд закономерностей и решить ряд вопросов, следствием чего явилось построение им **собственного оригинального учения о ценных бумагах**, основные черты которого суть следующие:

1. Сущность ценных бумаг заключается в той **связи**, которая существует **между правом и документом**. Эта связь характеризуется прежде всего неразрывностью права и документа. Право может быть осуществлено постольку, поскольку есть документ. Обращаем внимание, что Нерсесов не выдвигает известного тезиса типа «нет документа – нет и права», а определяет сущность ценных бумаг положительной характеристикой.

2. «Раздвоенная» природа ценных бумаг в то же время может быть названа и «двудеиной». Ценная бумага – это документ (вещь) с информацией об обязательственном праве. Вещная природа ценных бумаг способствует защите интересов ее кредиторов, обязательно-правовая соответствует интересам их должников. Следовательно, разрешая вопросы, связанные с **обращением ценных бумаг** – сменой их кредиторов – **необходимо руководствоваться нормами о вещных правах**. При разрешении же вопросов **о возникновении и прекращении прав по ценным бумагам** руководством к действию должны становиться **нормы обязательственного права**.

3. В отдельных ценных бумагах может преобладать одна из сторон их двудеиной и раздвоенной природы. Поэтому нет ничего странного в том, что Нерсесов считает возможным существование как **оборотоспособных**, так и **необоротных** ценных бумаг. Бумаги на предъявителя наиболее оборотоспособны, ибо созданы для наивысшей степени защиты интересов кредиторов. Ректа-бумаги имеют лишь легитимационное значение, и ни права из них, ни они сами не могут быть передаваемы, ибо их смысл – максимально эффективная защита должников.

4. Нерсесов считает предъявление ценной бумаги всегда необходимым, но **не всегда достаточным** фактором для реализации воплощенных в бумаге прав. Отсюда отнесение им к ценным бумагам не только конститутивных, но и легитимирующих документов – таких, например, как билеты, ломбардные документы, страховые полисы.

5. Нерсесов классифицирует ценные бумаги не по способу легитимации держателя (как это позднее сделал М. М. Агарков), а по лич-

ности кредитора. Отсюда его **двухчленная классификация ценных бумаг** – на бумаги именные и безыменные. Если исходить из более известной сегодня классификации М. М. Агаркова, то в первую категорию включаются ректа-бумаги, именные ценные бумаги и ордерные бумаги с полными индоссаменентами. К категории же безыменных ценных бумаг следует отнести бумаги на предъявителя и ордерные бумаги с бланковыми индоссаменентами.

6. Моментом возникновения прав из ценной бумаги является **момент ее приобретения в добросовестное владение**. Нерсесов, таким образом, был первым, кто соединил лучшие черты двух наиболее перспективных теорий ценных бумаг – теории приобретения собственности и теории честности.

7. Должник всегда может противопоставлять держателю ценной бумаги возражения, вытекающие из их личных отношений. Это – **право должника**. Но должник **обязан** отказывать в исполнении по ценной бумаге тогда, когда ему известно о недобросовестности кредитора, хотя бы эта недобросовестность и не нарушала бы его, должника, прав. Неисполнение должником этой обязанности и осуществление платежа заведомо недобросовестному кредитору дает право лицу, права которого на бумагу были нарушены недобросовестным кредитором, привлекать должника в качестве ответчика по иску о причинении ему, собственнику, ущерба.

8. Виндикация бумаг на предъявителя **недопустима**: во-первых, права требования виндицировать нельзя, а во-вторых, запрет виндикации не нарушает интересов собственника, лишившегося бумаг, ибо он сохраняет возможность предъявить иск из причинения ему вреда непосредственному нарушителю своих прав.

Появление исследования, содержащего обоснование этих восьми выводов, имело бы широкий резонанс в цивилистическом кругу даже сегодня. Поэтому вполне объяснимо то внимание, с которым была встречена диссертация Нерсесова его современниками. Но поскольку ряд выводов профессора расходился с постулатами немецких авторитетов, а римское право вообще не признавалось им даже как уместный материал для ссылок по данной проблематике, более того – оценивалось как фактор, препятствовавший развитию института бумаг на предъявителя, его работа почти немедленно после своего появления была квалифицирована как обычная рядовая публикация, не представляющая собой ничего выдающегося ни в теоретическом, ни в догматическом отношении. Может быть поэтому из-за только формального признания своих трудов, за которым скрывалось лишь нежелание со-

временников действительно понять их основные положения, Нерсес Осипович не опубликовал более ни одной монографии до самой смерти, последовавшей в возрасте 46 лет, в 1894 г.

6.

Невозможность быть понятым и принятым коллегами, безвременная смерть Н. О. Нерсесова не позволили ему довести до конца множество начинаний, адресатами которых были не убежденные седины авторитеты, а беспристрастное студенчество. После профессора осталось достаточно много записей – программ курсов, планов и конспектов собственных лекций, в том числе – вышедшие при его жизни в виде литографированных студенческих изданий, которые должны были лечь в основу курсов по меньшей мере шести дисциплин – гражданского, римского, торгового, морского и вексельного права, а также торгового судопроизводства. Кроме того, после смерти Н. О. Нерсесова в распоряжение кафедры торгового права стали поступать конспекты последних его курсов, выполненные студентами. Именно из этих материалов были составлены два посмертных издания трудов профессора – курсы лекций по римскому вещному праву (рукописное литографированное издание. М., 1896) и по торговому и вексельному праву (М., 1896). Вот как отзывался о последнем Г. Ф. Шершеневич: «Кафедру торгового права в Московском университете долгое время занимал профессор Нерсесов. После его смерти приват-доцент Гусаков, ныне профессор С.-Петербургского политехникума, издал его лекции, дополнив их собственными исправлениями, – «Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву», 1896 г. При всей краткости учебника, он является хорошим пособием. К недостаткам его следует отнести: несоразмерность в обработке частей, неясность ответов, смешение решений теоретических и положительных» (Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). М., 1994, с. 38). В своих курсах торгового права Г. Ф. Шершеневич давал несколько более развернутую оценку работе (см., например, 3-е издание Курса торгового права Г. Ф. Шершеневича. Казань, 1899, с. 67–68), в общем только поясняющую сказанное ранее.

Естественно, ни одна работа не бывает полностью свободной от недостатков. В «несоразмерности частей», которая сама по себе не представляет никакого недостатка, кстати сказать, можно обвинить и учебник Шершеневича. А что касается «неясности ответов» и «смешения решений» – то вряд ли эти указания соответствуют действитель-

ности. Ни одна студенческая аудитория не стала бы пользоваться пособием, в котором не было бы понятно содержание ответов на актуальные теоретические вопросы или содержание решений задач-казусов. В течение двенадцати лет курс лекций по торговому и вексельному праву Нерсесова оставался основным учебным пособием по этой дисциплине, превзойдя по популярности даже курс и учебник П. П. Цитовича и в течение пяти лет успешно конкурируя с курсом и учебником торгового права Г. Ф. Шершеневича.

Кстати сказать, оценка учебника Н. О. Нерсесова Г. Ф. Шершеневичем тоже не может считаться «ясной» – хорошее пособие, но ... с недостатками. Такое двойственное отношение к работе косвенно отразилось и в самом учебнике торгового права Шершеневича, что можно проследить, сравнив частоту указаний на лекции Нерсесова в качестве литературного источника (всего к трем параграфам) с частотой его упоминания в самом тексте как оппонента и пропонента (12 раз). Сравнивая аналогичные показатели по работам других авторов, можно заметить следующие соотношения: Башилов – 7 и 14, Гольмстен – 4 и 18, Каминка – 8 и 7, Федоров – 4 и 6, Цитович – 8 и 17. По соотношению цифр можно говорить о степени необъективности оценки Г. Ф. Шершеневичем соответствующих работ – наивысшая степень недооценки (4) характерна именно для работ А. Х. Гольмстена (его «Очерки» действительно оставляют весьма двусмысленное впечатление) и Н. О. Нерсесова. Так что мнение Г. Ф. Шершеневича о качестве конспективного курса лекций Н. О. Нерсесова («Нерсесова–Гусакова», как пишет Габриэль Феликсович) никак нельзя считать решающим.

Обратившись к оценке учебника «Нерсесова–Гусакова» другим современником – А. Ф. Федоровым, мы увидим следующее суждение: «Краткое, но **по ясности изложения достойное большого внимания руководство**; к сожалению, не обнимающее морского права» (Федоров А. Ф. Введение в курс торгового права. Одесса, 1901, с. 116, сноски 5). Мы совершенно согласны с этой оценкой – как в части ясности изложения, так и в части того, что об отсутствии в учебнике раздела о морском праве можно только сожалеть.

Попытавшись же сравнить основные положения, содержащиеся в учебниках Н. О. Нерсесова и, для простоты, того же самого Шершеневича, мы не обнаружим каких-либо кардинальных различий. Даже система изложения материала практически идентична (единственное отличие состоит в том, что в лекциях Нерсесова отсутствует раздел о морском праве). Это не результат плагиатного переписывания работ

друг у друга. Оба ученых исходят из одной и той же базисной посылки – **торговое право в собственном значении этого термина обозначает не более, чем часть права гражданского**, но ни в коем случае не какую-то «параллельную» отрасль, проникнутую особым торговым духом (Цитович), отличающуюся своеобразием источников (Гольмстен) или имеющую иное, нежели гражданское право, социальное назначение (Каминка). Отсюда и сходство как в системе изложения материала, так и содержательное, по ключевым вопросам.

Учебник Шершеневича выгодно отличался от лекций Нерсесова большим числом примеров из судебной практики, но в настоящее время это различие вряд ли сохранило свою значимость, как, впрочем, и сама дореволюционная судебная практика. В части же теории и догматического изложения материала оба издания имеют примерно одинаковый уровень; успехи какого-либо автора в одном вопросе компенсируются успехами другого автора в ином.

Из оригинальных положений Конспективного курса лекций Нерсесова¹, небезынересных и для сегодняшних читателей, можно отметить следующие:

1. Указано на специфику торгового права (с. 12–13) и торговых действий (с. 30), а также на специфику задачи (назначения) такового (с. 203) нелишне было бы сравнить с определением предпринимательства, предложенным современным ГК, с целью некоторой корректировки.

2. Отмечена специфичность в порядке применения торговых обычаев и общих норм гражданского права (с. 14); другим сторонником этого взгляда в российской науке был только А. Х. Гольмстен.

3. Подчеркнута нетождественность институтов посредничества и представительства (с. 39–40).

4. На примере случая занятия торговой деятельностью без лицензии иллюстрируется принцип независимости частно-правовых юридических последствий от нарушения норм административного законодательства (см. с. 53).

5. Защищается оригинальная концепция судьбы сделки, совершенной с превышением полномочий: таковая может быть признана недействительной, но только в той части, которая не оговорена полномочиим (с. 80).

6. Указывается на то, что отличительным признаком всякого юридического лица является возможность его существования незави-

¹ *Нерсесов Н. О.* Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву. Посм. изд., испр. и доп. А. Г. Гусаковым. М., 1896.

симо от существования его участников (с. 87 и 103). Предпосылкой же к такому независимому существованию становится целевое обособленное имущество, выделенное участниками юридического лица из своего имущества, объединенное и закрепленное в собственность за этим юридическим лицом. Нерсесова можно считать первым среди русских цивилистов, защищавших трактовку субстрата юридического лица как целевого обособленного имущества (ср. с позицией по этому вопросу того же Шершеневича).

7. Обращается внимание на чрезвычайно редкое и интересное явление – зависимость возможности или невозможности признания требования встречным (в целях его последующего зачета) от активного субъекта требования (с. 92).

8. Проводится различие между понятиями «прекращение» и «ликвидация» юридического лица – первое относится к собственно организации, второе – к ее деятельности (с. 96).

9. Объясняется природа запрещения освобождать акционера от оплаты взноса в уставный капитал акционерного общества (с. 98).

10. Обосновывается тезис о невозможности приобретения акционерным обществом собственных акций за деньги (с. 118).

11. Объясняется смысл именной природы временных документов, заменяющих акции, а косвенно – смысл и природа именных акций (с. 120).

12. Подчеркивается важнейшее юридическое последствие назначения вознаграждения членам Совета директоров акционерного общества – ответственность за принимаемые ими решения (с. 130).

13. Выдвигается и обосновывается тезис о недопустимости виндикации предметов, приобретенных от «кушца» (предпринимателя) (с. 147).

14. Констатируется (хотя и не развивается) суждение об особой природе прав, воплощаемых в акциях – корпоративной природе, а все не вещной и не обязательственной (с. 153, 161).

15. Объясняются критерий и смысл разделения сделок на абстрактные и материальные (с. 174–175).

16. Формулируется правило об отношении законодательства к биржевым сделкам (с. 185–186).

17. Объясняются причины срочной природы авторского права (с. 191).

18. Квалифицируются сделки по страхованию кредита как разновидность сделок поручительства, а сделки по страхованию жизни – как сделки на сбережение (с. 197 и след.).

19. Констатируется как непреложное правило тезис о единичной, индивидуально-определенной природе всякого векселя, о несовместимости понятий «вексель» и «бумага массового выпуска» (с. 214).

20. Определенно констатируется тождественность обязательств акцептанта переводного и векселедателя простого векселей (с. 235–236).

И так далее; подобных «интересных» моментов можно найти в курсе немало. Дело, разумеется, не в их количестве, а в их качестве, которое определяется актуальностью и непреходящим значением этих положений на сегодняшний момент.

Приведенным перечислением мы ни в коем случае не умаляем значения учебника торгового права Шершеневича. Это прекрасная работа, служащая как научным целям, так и целям педагогики и практики. Мы хотим лишь подчеркнуть, что далеко не всегда официальное признание человека и его трудов «неглубокими» и «неоригинальными» оказывается соответствующим действительности. Имя одного из них – профессора Нерсеса Осиповича (Иосифовича) Нерсесова, – оказавшееся позабытым современной наукой, педагогикой и практикой юриспруденции, должно быть возвращено современному читателю вместе с ключевыми положениями его основных научных изысканий и достижений. Нерсесов «застолбил» за собой 1) российское цивилистическое учение о представительстве; 2) российскую теорию ценных бумаг вообще и бумаг на предъявителя в частности; 3) уникальные успехи на педагогическом поприще в области преподавания римского, гражданского и торгового права.

Если каждый российский ученый-юрист сделает за свою жизнь хотя бы одну треть того, что сделал в свое время почтенный профессор Нерсесов, отечественная юридическая наука обогатится и будет прогрессировать в своем развитии как никакая другая. Развитие же науки – одна из предпосылок становления прочной и законной правоприменительной практики, которой столь не хватает сегодня в российском «околоправовом» государстве.

Доктор юридических наук
В. А. Белов

«НЕРАЗГАДАНЫЙ» НЕРСЕСОВ

Нередко случается, что при исследовании какой-либо правовой тематики автору приходится высказывать собственное мнение по ряду вопросов, напрямую не относящихся к предмету исследования, но тем не менее необходимых для успешного решения поставленных задач. Такие вопросы имеют либо более общий, концептуальный характер, либо – значение конкретных примеров, решение которых иллюстрирует правило или исключения из него.

Встречаются такие места и в работах Н. О. Нерсесова. Указав в предисловии на основные положения трудов ученого, ниже мы процитируем некоторые его высказывания «не по теме». Они не получили глубокого развития в работах профессора, поэтому заслуживают того, чтобы на них обратили внимание и поразмыслили над ними. Что хотел сказать Н. О. Нерсесов? Относились ли эти его высказывания к юриспруденции вообще или он считал их применимыми только к современной ему ситуации и никаких далеко идущих выводов из них делать не собирался – кто знает. Этим объясняется и название настоящего эссе – мысли профессора нельзя считать ясными. Предложение «пораздумать» относится как к изучающим право – ученым, аспирантам, студентам, так и к практикам, применяющим и творящим законодательные нормы.

Наиболее любопытные вещи мы выделили в цитатах полужирным шрифтом, а после каждой цитаты дали маленький комментарий – что нам показалось в ней оригинальным и к каким размышлениям она нас подвигла. Ссылки даны по первоисточникам – дореволюционным изданиям работ.

О субъекте права

*«Институт добровольного представительства имеет громадное значение для промышленного оборота, давая возможность правоспособному лицу расширять свою **юридическую деятельность**. При посредстве этого института **юридическая личность человека переходит за пределы, очерченные его физической природой**» (выделено нами. – В. Б.) (Понятие добровольного представительства в гражданском праве, далее – Представительство, с. 30).*